

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027388-2

## Изменяющаяся сущность (размышления над черновиками Е. Н. Коншиной)

© 2023 г. Р. Б. Ахметшин

Кандидат филологических наук,  
доцент Московского государственного университета  
имени М.В. Ломоносова,  
Россия, 11991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51  
ahmad-jin@mail.ru

**Резюме.** В настоящей работе рассматриваются материалы фонда Елизаветы Николаевны Коншиной (1890–1972), работавшей в 1920–1930-е годы над записными книжками А.П. Чехова и рукописями Ф.М. Достоевского. Это, во-первых, библиографические заметки рубежа 1910–1920-х годов, позволяющие создать представление о литературоведческих исканиях исследовательницы, нашедшей свой главный интерес в занятиях текстологией, в расшифровке черновых текстов, издавании писем и осмыслении структуры полных собраний сочинений русских писателей. В данных карточках довольно отчетливым кажется тяготение к вопросам о ритме и структуре прозаического, а не только стихотворного текста. И, во-вторых, это черновые записи Коншиной, которые шаг за шагом восстанавливают рукописи Достоевского, имеющие отношение к романам “Бесы” и “Братья Карамазовы”. Давно изученные и неоднократно издававшиеся, эти наброски еще не становились предметом изучения сквозь призму черновиков Коншиной. Ее записи по полноте и точности представляют собой образец текстологической расшифровки и позволяют воссоздавать – применительно к поэтике Достоевского – многие выразительные особенности его манеры уже в сырых набросках. Один из фокусов статьи – попытка бросить взгляд на процесс становления рабочих тем Е.Н. Коншиной, подолгу с ними не расстававшейся и не спешившей опубликовать свои книги и статьи.

**Ключевые слова:** Чехов, Достоевский, Е.Н. Коншина, записные книжки, рукописи, текстология, история литературы, ритм прозы.

**Для цитирования:** Ахметшин Р.Б. Изменяющаяся сущность (размышления над черновиками Е.Н. Коншиной) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 35–42. DOI: 10.31857/S160578800027388-2

## Altering Nature (Speculations over Elizaveta Konshina’s Draft Papers)

© 2023 Ruslan B. Akhmetshin

Cand. Sci. (Philol.),  
Associate Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,  
1 Bld. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia  
ahmad-jin@mail.ru

**Abstract.** The present article deals with the works of Elizaveta Konshina who studied Anton Chekhov’s notes and Fyodor Dostoyevsky’s manuscripts in 1920–1930. First and foremost, these are the bibliographical documents of 1910–1920 that build up a clear picture of Konshina’s researches in literature studies and her lifelong interest in textual criticism, in decoding draft papers, publishing letters and speculating over the structure of complete collections of works of Russian writers. These notecards show quite distinctly

her interest in the issues of rhythm and structure of a prosaic text. Secondly, step by step Konshina's draft notes reconstruct Dostoyevsky's manuscripts of "Demons" and "The Brothers Karamazov". Dostoyevsky's manuscripts have long been studied and have been published many times but Konshina's draft notes have never been looked into in this respect. Her papers are classic examples of textual decoding in terms of accuracy and completeness and help to reconstruct distinctive features of Dostoyevsky's writing style even in his rough drafts as far as his poetics is concerned. The article focuses on the very process of developing working topics by Konshina who used to keep them long by herself and wouldn't hurry to publish her books and articles.

**Key words:** Chekhov, Dostoevsky, E.N. Konshina, writers' notebooks, manuscripts, textual criticism, history of literature, prose rhythm.

**For citation:** Akhmetshin, R.B. *Izmenyayushchaya suschnost (razmyshleniya nad chernovikami E.N. Konshinoj)* [Altering Nature (Speculations over Elizaveta Konshina's Draft Papers)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 35–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027388-2

Видный представитель источниковедения, библиотечного дела, литературовед, исследователь записных книжек писателей, текстолог Елизавета Николаевна Коншина (1890–1972) оставила массу неоконченных работ, заметок и практически готовых к публикации текстов. В работе рассматривается ее отношение к рукописям Ф.М. Достоевского и предпринимается попытка истолкования их в аспекте ритма, однако при этом намечена попытка выйти за пределы рукописей "Братьев Карамазовых" к вопросам чуть более ранним и общим.

Задействованы следующие материалы, хранящиеся в Отделе рукописей РГБ:

1. Достоевский, Фёдор Михайлович. ["Братья Карамазовы"] — черновые наброски к книге седьмой гл. IV "Кана Галилейская" (НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевский, Фёдор Михайлович; Достоевская, Анна Григорьевна). К. 2. Ед. хр. 1/22. 1 л.).

2. Библиографические заметки, выписки и отзывы о книгах по истории русской и зарубежной литературы (систематизированы в алфавите авторов) — 1910-е—1920-е годы (НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна). К. 2. Ед. хр. 24. 243 л. + 3 конв.).

3. Коншина Елизавета Николаевна. Письма к Чеховой, Марии Павловне — 1928–1929 гг. (НИОР РГБ. Ф. 331 (Чехов). К. 91. Ед. хр. 65. 32 л.).

4. Материалы к работам над архивом Достоевского в Отделе рукописей ГБЛ (подготовка к печати текстов романа "Бесы", основные даты жизни и творчества писателя, организация выставки в 1956 г. и др. — 1930-е—1940-е годы, 1956 (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. 42 л.).

Поэтика составляет одно из направлений работы Коншиной, а также серьезную веху в становлении ее как ученого, наряду с историей

литературы, текстологией, биографией и другими пластами филологии. Ничто из этого не является фигурой речи, и я не пытаюсь представить дело так, словно многолетние занятия рукописями Достоевского свидетельствовали об этом историко-литературном интересе Коншиной. Напротив, имеется в виду построение истории русской литературы и изучение данной научной традиции, сложившейся к 1920-м годам. Сказанное имеет отношение к каждому аспекту ее деятельности, который она разрабатывала с неторопливостью и тщательностью.

Теоретизирование Коншину не очень интересовало, но сделанное ею в области текстологии, обработки рукописей и изучения их ошеломляет. Хотя главный ее интерес заключался в построении истории литературы, она, по всей видимости, оставила эту тему приблизительно к середине 20-х годов XX века, повторяюсь, несмотря на значительные наработки в этой области. И, несмотря на то что нередко говорила о "своей" истории литературы, в этом намерении, скорее всего, разочаровалась.

Исследование и систематическое описание ею рукописей Достоевского (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4) уже становилось предметом анализа [1]. Следующим шагом могло бы стать обращение к новому материалу, хронологически более раннему в деятельности Коншиной, он образует содержание другого *картона* — это "Библиографические заметки, выписки и отзывы о книгах по истории русской и зарубежной литературы", датируемые 1910–20 годами (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24).

Работая над главной для себя темой, Коншина распределяет по блокам интересующие ее факты. К сожалению, эта общая композиция теперь лишь иллюзия, потому что она разобрала свои

записи по алфавиту. Был ли этот порыв к карто-  
теке финальным в данной работе, пока остается  
лишь гадать. Мое предположение заключается  
в том, что работа над понятием “истории литера-  
туры” оказалась для нее тупиковой ветвью, а бо-  
ковые ее интересы, так называемые *Nebenfächer*,  
наоборот, дали при этом любопытные всходы.  
Один из таких устойчивых мотивов в работе Кон-  
шиной образует стремление трактовать ритм ли-  
тературного произведения.

В этот мотив могут быть включены не толь-  
ко стиховые и стиховедческие штудии, но и во-  
просы лексикологии, мифа, природы образного  
мышления — то, что отчасти объединяется име-  
нем А.А. Потебни, упоминаемого и цитируемого  
Коншиной в этих записках более десяти раз. Сле-  
довательно, не избежать сближения аллегории и  
мифа. Далее: ритм прозы, скорость чтения — от-  
части по немецким источникам и теориям.

Приведем несколько примеров.

**Лист 2:** “*Max Beer Die Abhängigkeit der Lesezeit  
von psychologischen und sprachlichen Faktoren*<sup>1</sup>.<[2]>

Den Unterschieden im psychologischen Eindruck  
verschiedener Texte gehen Unterschiede in der Silbenzahl  
und Lesezeit parallel <Различиям в психологиче-  
ском впечатлении от разных текстов соответствую-  
ют различия в количестве слогов и времени чтения  
[2, с. 297]. — *P.A.*>.

Häufung von Einsilbern, resp. Abnahme der mittleren  
Silbenzahl, verlängert in der Prosa die Lesezeit”<sup>2</sup> <На-  
растание количества слогов, соотв. уменьшение сред-  
него количества слогов, увеличивает время чтения  
в прозе. — *P.A.*>.

**Лист 6:** “Андрей Белый Жезл Ааронов. Скифы  
<Скифы. Сб. 1<sup>й</sup>. 1917. С. 155—212>

О метафоре и мифе и слове...

Слово = звук + образ, + понятие. Нужно, чтобы всё  
было живо, тогда поэт<ично>. Так у Пушкина.

Корень слова — миф мифа, и метафора метафоры

Как звуки рисуют больше слов,

Шипенье пенных бокалов,

И пунша пламень голубой

пе — пе — бкл — пл — глб ...

Занятно, а порою и верно. Вскрывает то, что вос-  
принимается бессознательно читателем, и почему  
сильно эстетическое впечатление. Расцветший жезл”

**Лист 51:** “I Видение поэта Гершензона <М., 1919>

1) вопрос о природе этого смутного стремл<ения>

<sup>1</sup> Зависимость длительности чтения от психологических  
и языковых факторов <Здесь и далее перевод мой. — *P.A.*>.

<sup>2</sup> Похожие цитаты и размышления возникают в записях  
на листе, посвященном статье Пауля Куллмана “Стати-  
стические исследования к психологии языка” (НИОР РГБ.  
Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24. Л. 113 — 113 (об.)) [3], которую М. Беер  
цитирует [2, с. 298], и в других случаях: воссоздать полно-  
стью каждую карточку в условиях статьи невозможно.

(псих<ология> творч<ества>)

к9. — именно “идею”-то произв<едения> и можно  
рассказать и познако<м>ить с нею, нельзя форму рас-  
ск<аза>ть, её можно только пок<аза>ть

Художник обнаруживает свое видение не только  
словами-образами, но и словами звуками, чередова-  
нием их, также как и ритмом. <...>”

Ряд карточек посвящен фольклору, повторам,  
сравнениям. Заговоры, рифмы и параллели — всё,  
что также восходит к потебнианским интересам.  
Особая тема — “Слово о полку Игореве” и стихо-  
вые и поэтические формы этого памятника. Ча-  
стотным в данных заметках следует считать опыт  
констатации ритмических явлений по отноше-  
нию к текстам “Слова о полку Игореве” и народ-  
ной словесности.

Коншину интересовали и работы о стихе: см., на-  
пример, карточку “Звуковые повторы Осип Брик”  
(НИОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24. Л. 12), — одна-  
ко внимание О.М. Брика к “звуковой структуре  
стиха”, обозначенное в подзаголовке статьи, шире  
родовых рамок лирики<sup>3</sup> и обращено к равновесию  
элементов “образного и звукового творчества”  
[4, с. 24, 25], и это в конспекте исследовательни-  
цы отражается.

И затем, уже в ходе расшифровки рукопи-  
сей романов “Бесы” и “Братья Карамазовы”  
(НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4), нащупывает-  
ся вероятность ритма прозы Достоевского. Такой  
представляется картина, которая еще собирается.  
Один из ресурсов уточнения ее обнаруживается  
в чеховских материалах, но не только потому что  
“Записные книжки Чехова” были изданы рань-  
ше и являются, стало быть, полем апробации  
исследовательских текстологических приемов,  
отточенных в работе над тетрадями Достоевско-  
го. Дело еще в том, что Коншина пыталась рас-  
сматривать чеховские книжки как своего рода  
архитектуру, объектом синтаксического анализа  
для нее была не запись, а корпус таковых, бли-  
жайших по времени или смыслу. Этот любопыт-  
нейший прием надо разбирать самостоятельно:  
он не делает записи стихотворным материалом,  
не открывает в их соотношении ритмические яв-  
ления, но заставляет думать, что на данном пути  
как бы набивалась рука, совершенствовалась тех-  
ника истолкования содержания каждого листа.  
И нет уверенности, что таким же образом допу-  
стимо интерпретировать 3Т Достоевского.

Интересно отношение исследовательницы  
к Достоевскому, несмотря на все обстоятельства  
научной биографии и карьеры, удерживавшие ее

<sup>3</sup> См. об этом [5].

в чеховском круге. Рассматриваемый эпизод вряд ли случаен. Любопытно само внимание Коншиной к стилю литературного произведения, потому что в данной ситуации — по отношению к прозе — всё это (ритм фразы, строй текста и благородство слога) начинает взаимодействовать. Только трудность заключается в том, что речь идет о черновых рукописях писателя.

Ритм является традиционной для литературоведения темой. Однако прозаическое произведение своим большим объемом если не исключает возможность изучения явлений ритма, то затрудняет таковые. В этой связи осуществимыми кажутся замыслы, предполагающие потенциал в обращении к объемам небольшим — рассказу или очерку, отрывку, а также, как я надеюсь показать, записной книжке.

Начну с косвенной детали. З.С. Паперный в своей книге пишет, что “чеховские записи можно читать подряд, именно как книгу...” [6, с. 135]<sup>4</sup>. Речь, конечно, должна идти не об одной только последовательности, но о целостности восприятия. Это довольно очевидное представление ведет нас к следующему, которое нетрудно выстроить на продолжении начатой цитаты: “...как книгу, не прерывая чтения заглядыванием в соответствующий окончательный текст” [6, с. 135]. Обычно творческие записные книжки, как черновики, рассматриваются в связи с опубликованным или окончательным текстом. Доказательств тому слишком много. Все издатели записных книжек и рукописей на авторизованный текст ориентировались.

Коншина во вступительной статье к “Записным тетрадям Достоевского” много говорит не только о характере черновиков, но и о писателе, словно понимая, что читателям этой книги в большей степени нужен обобщающий портрет романиста. Поэтому описание принципов работы Достоевского подается в статье как итог обобщающего анализа — и речь идет о “манере Достоевского вносить заметки”, его “принципах записывания”: “Многие темы не умещались, однако, на одной странице, и тогда Достоевский давал им особую нумерацию, иногда перебивавшую естественную пагинацию” [7, с. 15]. Читателю этой книги, безусловно, памятно стремление воссоздать “живой <...> дух <...> автора

<sup>4</sup> Может быть, и неслучайно, что З.С. Паперный, читавший ЗК Чехова уже изданными, первую главу книги о них назвал “Поэтическое хозяйство” [6, с. 5–19].

<...> Впечатление живой трепетности” [7, с. 17]<sup>5</sup>. В книге 1927 года таких внушительных обобщений о Чехове нет, несмотря на то что работа над чеховскими письмами и его наследием началась в середине 1910-х годов.

Здесь могла бы быть приведена в качестве иллюстрации сумма высказываний многих исследователей — литературоведов, в частности текстологов, и историков (как старого поколения, начала XX века — А.С. Долинина, Л.П. Гроссмана, Ф.И. Кривобокова (В.И. Невского) и мн. др., так и нового — из издания работы Комаровича, напр., статья О.А. Богдановой — ее слова о “телеогенетическом методе” [8, с. 34]) о том, что ЗК и ЗТ писателей нужны для более глубокого понимания шедевра. Размышляя над приведенной цитатой, мы, кажется, отправляемся по ложному пути — ложному не вообще, но с точки зрения занятий Е.Н. Коншиной, которая не только стремилась создать новый, уточненный образ писателя, но вела читателя в его лабораторию. Колоссальный материал книги о Достоевском предлагал трудное знакомство с писателем, оно было непривычно для читателя и исследователей тем, что обходило не только сложившийся в биографиях образ, но и сам биографический канон. Интересам Коншиной был присущ и другой смысл, опережающий ее время, тогда явленный немногим историкам, подвергавшим последовательному сомнению объективный характер исторического события. Допуская в свои исследования сомнение в окончательности образа Достоевского или пренебрегая этой окончательностью во имя такой, лишь на первый взгляд, заурядной задачи, как, например, постижение и обоснование хронологического порядка записей, Коншина могла прийти к более глубокому восприятию эстетики.

Она не отрицала огромных возможностей новых истолкований художественной целостности, открывающихся в расшифровке ЗК и ЗТ. Л.П. Гроссман говорил о “крупном самостоятельном интересе художественного или философского порядка” [9, с. 5], зарождающемся в такой работе. Этой самостоятельностью Коншина

<sup>5</sup> В дополнение к этим, увы, вынужденно редким аргументам приведем еще одну “улику” из экспозиционного текста, составленного Коншиной к юбилейной выставке Достоевского: “Потому последующие <нрзб.> витрины посвящены отражению его творческой лаборатории. Впрочем она вскрывается здесь лишь в самых грубых и основных приемах, однако необычайно своеобразных. <...> Затем совсем необычная, если можно так выразиться, лиричность внешнего вида рукописи — разговор с самим собою заносимый на бумагу в форме знаков, шрифтов, разметок, надписей, приписок и помет” (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 2).

существовала, ради нее проводила труднейшие опыты по расшифровке. У этой истории намечается, как мне кажется, некое развитие, и обозначить мы можем пока только начало его, но иные фазы, в силу неразработанности фонда, — пока нет. Возможно, в свои молодые, студенческие или преподавательские, годы Коншина слышала чье-то пренебрежительное мнение о попытках составить портрет автора по его произведениям: “Психология творчества очень интересная область, когда-то я к ней очень тянулась, потом спугнуло чье-то замечание, что доискиваться личности писателя в его произведениях — бабья черта” (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24. Л. 225). Это редкая (по своей автобиографичной или автоидеологической [10, с. 26] сути) запись на клочке из второго конверта, названного «Les “roug” et les “qu’est-ce que c’est”», редкая потому, что Коншина почти не позволяет себе личных высказываний.

Кажется, что она, поверив авторитету, уловила в этом некое отражение и впоследствии приложила усилия, чтобы избежать вероятных упреков с чужой стороны и сомнений — со своей. Вероятно, в ходе исследований произошла трансформация ее научного любопытства, которая выразилась в странном, на первый взгляд, соперничании со сложившимся образом. Не имея возможности избежать его влияния, она постаралась максимально погасить в себе тяготение к нему.

Вот почему в ее работе меня интересует всё, что ведет к самостоятельности анализа ЗТ, когда труднее всего ставить вопросы об их природе и логике языка. Трудность, конечно, в том, что текст носит явные следы сырости, необдуманности, хаоса.

Работая с рукописями Коншиной (сканировать их пока невозможно), я обратил внимание на красные строки, обозначенные литерой Z, и обнаружил, что эта разбивка не была учтена ни одной из редакций — ни в Д30 [11], ни в ЛН-1973 [12]. Коншину интересовала возможность реконструкции всех графических деталей письма Достоевского, порой носившей непредсказуемый характер. Обе созданные ею версии разработки рукописей писателя повторяют малейшие особенности оригинала в максимально возможной степени.

Дело не в том, насколько поддается расшифровке тот или иной эпизод черновика, хотя различия между его “рукописным” и “книжным” видом даже при элементарном сопоставлении создают любопытный эффект. Дело в уникальности восприятия Коншиной рукописного материала, то

есть самого листа, соотношения записей на нем. Она видела свою задачу в восстановлении вычеркнутых Достоевским элементов рукописи, разумеется, не нарушая волю писателя, и от этого ее работа приобретала не только конкретный характер, но и подвижнический смысл.

Все эти признаки убеждают, что для Коншиной окончательная версия романа представляла огромный интерес. Пометы, нанесенные ею чуть позже на расшифровку карандашами разного цвета и чернилами, не оставляют сомнений в том, что она стремилась соотносить черновик с белой редакцией текста. Но рукопись влекла ее и своей имманентной стороной, своей самостью: в незавершенности, не познаваемой для читателя спонтанности набросков виделось то, что белая версия текста уже скрывала. Роман есть производное двух величин — метафора мысли автора и истории создания текста. Разрабатывающие рукопись романа черновики Коншиной представляют собой возвращение в лоно языка и период складывания мысли, т.е. разрушение метафоры. Ни то, ни другое не осмысливается само по себе и вместе — беспредметно. Сущность рукописи, данная нам в изменчивом виде, беспредметна, т.к. для понимания ее нужны все реалии в едином моменте времени и в синтезе их смыслов, а это практически осуществимо лишь в сознании исследователя. Как у Чехова, так и у Достоевского ситуация осложняется тем, что запись не ведет к одному произведению. Один из множества примеров: “— Тогда он, неверя, в награду если пойдет, (ибо атеист) решает расстаться с именем иначе, т.е. застрелиться. Суд за жену спасает его, и он идет на страдание, в Сибирь, с радостью. (NB. Даже зная что другой виноват, а не он)” [7, с. 38]. Почему же, приняв тезис о синтетичности мысли писателя о вариативности судьбы героя, мы объявляем войну формам его записи как проявлению несущностного...

Записи Достоевского, нередко мельчайшим подчерком, образуют столбики и при этом оставляют довольно много чистого пространства на листе. Своеобразная шахматная доска... В них возникают уникальные обозначения, не всегда сразу понятные. Таков знак тире, которым, казалось, Достоевский свой набросок или строку просто режет, итожит и которое иногда растягивается в прочерк; черновики Коншиной, конечно, его воспроизводят, однако редакция Д30 с этим не соглашается. Любопытно, что в письмах Коншиной начиная с 1928 года (только что ею была завершена работа над докладом в секции ГАХН о драматической природе “Бориса Годунова”)

в конце фразы может появляться тире-прочерк, как у Достоевского. Значит ли это, она распознала его смысл? В ее письмах это как раздел текста — дальше пойдет речь о другом. Но в черновиках Достоевского это могло иметь значение и сигнала сюжетного развития: не то чтобы “и так далее”, но своего рода “продолжение возможно”. И четвероточие, нередкое для Достоевского, тоже возникает под ее пером. Но предположение, что в это время она уже приступила к исследованию тетрадей Достоевского, уводит за пределы данной темы<sup>6</sup>.

Восстановление Коншиной автографа при расшивровке дает весомые результаты, и этот послы опирается на фундамент бережной кропотливости в отношении к каждой фазе развития мысли Достоевского. Материал для таких наблюдений возникает из сопоставления.

Черновые записи, не опубликованные в “Записных тетрадях Ф.М. Достоевского”, по этой причине сохраняют актуальность. Эпизод: “— Одни уходят в каторгу Z другие женятся И все Z это быстро, быстро, быстро и все <v>меняется и ничего не вменяется. Z А тут вдруг старость, и все старики и Z смотрят в гроб. Z И все прощают друг Z другу. В этом Z жизнь. Это очень Z хорошо, Алексей Ф-чъ (вздыхнула) —” (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 8), — издавался неоднократно: в XV томе Д30 [11, с. 327–328] и в 86 томе Лит. наследства [12, с. 100] тексты идентичны. Однако с точки зрения самооценности исследования черновиков, их графического облика и внутренней природы, версия Коншиной, сохраняющая форму (построчное деление, а также префикс *в*- в угловых скобках) и не принятая редакцией, вызывает интерес, поскольку могла бы дать дорогу самостоятельному расследованию.

Разберем еще один отрывок: “и тихо безгласно Z совершилось Z радостное Z первое Z чудо —”<sup>7</sup>, — публикуемый в современных изданиях со значительной разницей. Так, в XV томе Д30 дается вариант “И тихо, без глас<u> совершилось радостное такое чудо” [11, с. 267] с запятой после “тихо”. 86-й том Литнаследства несколько более точен, хотя отсутствующую у Достоевского запятую сохраняет: “И тихо, безгласно совершилось радостное первое <?> чудо —” [12, с. 97], потому что “безгласно” вернее, — но оставляет вопросы

и при апелляции к оригиналу усиливает наши сомнения. В наброске-реконструкции Коншиной вся фраза к тому же сохраняла свой первоначальный ритмический облик (НИОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1). Наблюдения Коншиной над характером редактирования писателем черновых текстов не только позволяют опровергать представления о стилевой неряшливости Достоевского, но и ведут к новым предположениям.

В реальности черновика запись о чуде коррелирует с двумя эпизодами: “Знаю другое великое сердце <...> Это так только крик — ” и “И у Грушеньки счастье <...> Да это пир — ”, — и, думается, не может быть без смысловых потерь включена в какой бы то ни было из них. Передать это без фотокопии крайне трудно. К тому же возможно, что запись в левом нижнем столбце (“Знаю другое великое сердце <...>”) возникла позже, чем запись в правом верхнем (“И у Грушеньки счастье <...>”), о чем свидетельствует уходящее вниз, в вертикаль причастие “бывшего”, как бывает, когда строки недостаточно, а перенос исключается спонтанностью письма. Возможно, однако, и иное предположение, о чем речь ниже. Несоблюдение в черновике лево-правой перспективы, как равно и асимметрия любой “градусности” (Достоевский пишет под разными углами, словно не рискуя тратить время на поворот листа, чтобы не упустить возникающее впечатление), — это неочевидное свойство работы писателя, оно может оспариваться в интересах доказательства композиционной акцентировки записей, зафиксированных, кажется, хаотически, но, главное, всегда бросающихся в глаза.

В общем-то, чтобы рассуждать о рукописи Достоевского, необходимо создать ее дескриптивную копию. Но не ко всем наброскам это, видимо, можно применить: как пересказать стихи прозой?.. Прозаические, еще рыхлые, наброски перенесут эту операцию без особого вреда для смысла, но иные, уже насыщенные энергией и пафосом, имеющие стихотворный вид, требуют именно воспроизведения. И, словно отвечая этой установке, листы Коншиной врезаются в память своей уникальностью.

Осмелюсь дополнить имеющиеся представления вариантами трактовки предложенного отрывка.

*Лесенка* Достоевского, наверное, не имеет исследовательского версификаторского характера и только относится каким-то образом к композиции стиха, но исключить это отношение и его стилевые эффекты без подсчетов представляется

<sup>6</sup> Не об этом ли идет речь в одном из писем к М.П. Чеховой от 21 января 1928 г.: “теперь и доклад прочтён, который до этого брал всё время <...> Правда, что я разохотилась и страшно хочется в этом же сезоне прочесть еще 2, или по крайней мере, один, и я уже опять сию с книжками, с теориями” (НИОР РГБ. Ф. 331. К. 91. Ед. хр. 65. Л. 1)?

<sup>7</sup> См.: НИОР РГБ. Ф. 93, к. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1.

мне пока преждевременным. Тем более, что “патетическая энергия” записи:

“Знаю другое великое сердце  
другого великого Существа <...>”, —

заставляет декламировать.

И если другой эпизод на том же листе прочитать в предложенной версии [1, с. 92]:

“и тихо безгласно  
совершилось  
радостное  
тихое  
чудо —” (НИОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1), —

особая *плавность*, избегающая соблазна стиховой регулярности<sup>8</sup>, каждое слово в строку, то есть сама *структура записи* (как и в приведенном выше эпизоде “— Одни уходят в каторгу Z другие женятся <...>”), кажется, воссоздает эмоциональное, в одном случае вздохами перебиваемое, в другом — передающее ретардацию завершения (учитывая тире-прочерк после *чудо*) состояние. Следовательно, *тихое*, но не первое, *чудо* больше соответствует законам тождества, стихом подкрепляемого, и вносит большую стройность в напевный финал, делающий высказывание *фразой*. Если бы мы постоянно думали о том, что это черновая рукопись, вряд ли возникал бы посыл к исследованию ее природы.

Это впечатление может быть воспринято как пафос реплики, высказывания, ставший эффектом эмпатии. Но допустимым кажется предположить иные причины: ритмизацию речи, речевого отрезка как неслучайное явление — творческое задание писателя. Видимо, нужно отвергнуть представление о том, что в черновиках текст не может быть столь определенным в своем эмоциональном, синтаксическом и прочем воплощении, не может обретать такую эмпирическую явность как по отношению к звучащей речи, так и по отношению к действующему характеру. Реконструкция Коншиной указывает, что для Достоевского это было состояние реального вдохновения в силу овладевшей текстом эмоциональности и что именно здесь, при не сложившемся пока тексте, герои его уже говорили как живые и речь их была горячей и подлинной. Наверное, к таким явлениям следует отнести и речевой статус рассказчика, но и это требует проверки и обоснования. Это ведет к пониманию такой важной и трудной темы, какой является воображение писателя. И Коншина находилась

на подступах к решению этой задачи, иначе трудно объяснить какие-то детали ее погруженности в процесс воссоздания рукописи. Другими словами, порой для Коншиной она переставала быть черновой, являя собой нечто эстетически состоявшееся, полноценное.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметшин Р.Б. Е.Н. Коншина в работе над изданием записных тетрадей Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. № 9 (1). С. 80–98.
2. Beer M. Die Abhängigkeit der Lesezeit von psychologischen und sprachlichen Faktoren // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1 Abteilung. Zeitschrift für Psychologie. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1910. Bd. 56. H. 4. S. 264–298.
3. Kullmann P. Statistische Untersuchungen zur Sprachpsychologie // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1910. B. 54. S. 290–310.
4. Брик О.М. Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 24–62.
5. Светликова И.Ю. “Звуковые повторы” Осипа Брика // Philologica. 2001/2002. Vol. 7, № 17/18. С. 183–194.
6. Паперный З.С. Записные книжки Чехова. М.: Советский писатель, 1976. 392 с.
7. Записные тетради Ф.М. Достоевского, публикуемые Центральным Архивным Управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подг. к печ. Е.Н. Коншиной, комм. И.Н. Игнатовой и Е.Н. Коншиной. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. 472 с.
8. Богданова О.А. В.Л. Комарович — исследователь Ф.М. Достоевского // Комарович В.Л. “Весь устремление”: статьи и исследования о Ф.М. Достоевском / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–49.
9. Записные книжки А.П. Чехова / Подг. к печ. Е.Н. Коншиной, ред. Л.П. Гроссмана. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 137 с.
10. Гинзбург Л.Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей: [сборник]: в 2 кн. / ответственные редакторы Л.Р. Ланский и С.А. Макашин. М.: Наука, 1997. С. 7–54. (Литературное наследство. Т. 99, кн. 1)
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. 624 с.
12. Коншина Е.Н. Заметки к “Братьям Карамазовым” и “Дневнику писателя” // Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 97–100. (Сер.: Литературное наследство; т. 86)

<sup>8</sup> Направивается “свершилось”, поскольку “безгласно”, да и в первой строке начальное *и* редуцировано довольно сильно.

## REFERENCES

1. Ahmetshin, R.B. *E.N. Konshina v rabote nad izdaniem zapisnykh tetradey Dostoevskogo* [E.N. Konshina's Work on Publishing Dostoevsky's Notebooks]. *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, No. 9 (1), pp. 80–98. (In Russ.)
2. Beer, M. Die Abhängigkeit der Lesezeit von psychologischen und sprachlichen Faktoren. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1 Abteilung. Zeitschrift für Psychologie*. Leipzig: Johann Ambrosius Barth Publ., 1910, V. 56, H. 4, pp. 264–298. (In Germ.)
3. Kullmann, P. Statistische Untersuchungen zur Sprachpsychologie. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*, 1910, V. 54, pp. 290–310. (In Germ.)
4. Brik, O.M. *Zvukovye povtory* [Sound Repetition]. *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Collected Articles on Theory of Poetical Language]. Petrograd, 1917, Issue II, pp. 24–62. (In Russ.)
5. Svetlikova, I.Yu. “Zvukovye povtory” Osipa Briki [“Sound Repetition” by Osip Brik]. *Philologica* [Philologica]. 2001/2002. Vol. 7, No. 17/18, pp. 183–194. (In Russ.)
6. Paperny, Z.S. *Zapisnye knizhki Chekhova* [Chekhov's Notebooks]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1976. 392 p. (In Russ.)
7. *Zapisnye tetradi F.M. Dostoevskogo, publikuemye Centralnym Arhivnym Upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy bibliotekoj SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [F.M. Dostoevsky's Notebooks, Published by the USSR Central Archives (Copybooks No. 1 and 4) and the USSR Public Library Named after Lenin (Copybooks No 2 and 3)]. Ed. by E.N. Konshina, comm. By I.N. Ignatova and E.N. Konshina]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1935. 472 p. (In Russ.)
8. Bogdanova, O.A. *V.L. Komarovich — issledovatel F.M. Dostoevskogo* [V.L. Komarovich as Dostoevsky's Researcher]. Komarovich, V.L. “*Ves ustremlenie*”: *statji i issledovaniya o F.M. Dostoevskom* [“Craving for...”: Articles and Researches on F.M. Dostoevsky. Collect. and Ed. by O.A. Bogdanova]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 5–49. (In Russ.)
9. *Zapisnye knizhki A.P. Chekhova* [A.P. Chekhov's Notebooks. Prepared for Print by E.N. Konshina, Ed. by L.P. Grossman]. Moscow, Gosudarstvennaya Akademiya hudozhestvennykh Nauk Publ., 1927. 137 p. (In Russ.)
10. Ginzburg, L.Ya. *Avtobiograficheskoe v tvorchestve Gercena* [The Autobiographical in Herzen's Works]. *Gercen i Ogarev v krugu rodnym i druzej: v 2 kn. — Literaturnoe nasledstvo* [Herzen and Ogarev in Their Circles of Relatives and Friends: in 2 Volumes. Literary Heritage. Editors L.R. Lanskij and S.A. Makashin; Editor in Chief F.F. Kuznecov]. Moscow, Nauka Publ., 1997, Vol. 99, book 1, pp. 7–54. (In Russ.)
11. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 15* [Complete Works: in 30 volumes. Vol. XV]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 624 p. (In Russ.)
12. Konshina, E.N. *Zametki k “Bratyam Karamazovym” i “Dnevniku pisatelya”* [Notes to “The Brothers Karamazov” and “A Writer's Diary”]. *F.M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [F.M. Dostoevsky. New Materials and Researches. Literary Heritage. Vol. 86]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 97–100. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 марта 2023 г.  
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 июня 2023 г.  
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.  
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 14, 2023  
 Revised on June 6, 2023  
 Accepted on June 15, 2023  
 Date of publication: August 31, 2023